

Прогулявшись по уездному городу, Нань-гээр выпросил палочку засахаренных боярышников. Ся Чэнь вовремя напомнил ему о домашних, так что мальчик прихватил ещё по одной для старшего брата, матери и бабушки.

Ся Чэнь заодно купил несколько глиняных цветочных горшков. Он приглядывался ещё к бамбуковым корзинам и плетёнкам, но Ся Далан его остановил: в деревне каждый второй умеет плести такую утварь — за миску бурого риса отдадут сразу две штуки, незачем зря тратить монеты.

В таком глухом уездном городишке и посмотреть-то особо было не на что. Разве что Ся Чэню, не выдавшему здешней жизни, всё казалось в новинку. Впрочем, довольно быстро они купили всё необходимое.

Ся Далан прикинул время: солнце стояло ещё высоко, а отец велел не торопиться домой. Решив не терять времени, он направил воловью телегу к дому дяди. Ся Чэнь, услышав об этом, уговорил брата купить по дороге пару цзиней сладких пирожных в подарок.

Дед Ся Чэня и Ся Далана по материнской линии держал бойню в городке. Помимо младшей дочери, госпожи Ся, у него было четверо сыновей, и каждый унаследовал отцовское ремесло — забой свиней и быков.

По обычаю, семейное дело должен был перенять старший сын. Однако Старший дядя Яо женился на единственной дочери владельца мясной лавки в уезде. Тогда дед рассудил мудро: отправил зятя в город помогать тестю. Один забивал скот, другой продавал — мясо всегда оставалось свежим, а сбыт — надёжным. В выигрыше оказались обе семьи.

Когда Ся Далан подогнал телегу к лавке, Старший дядя Яо вместе с сыновьями как раз взвешивал мясо покупателям. Увидев племянников, они искренне обрадовались и тут же зазвали в гости. Дядя велел сыну убрать остатки товара и нести домой — сварить к ужину для дорогих гостей. Хотя дело шло к вечеру и на прилавке оставалось всего пара кусков, такое радушие согревало душу.

Вторая сестра Ся Чэня, Ся Иньцзи, была замужем за младшим сыном Старшего дяди Яо. К моменту рождения Ся Чэня она уже покинула родительский дом, но младшего братишку любила без памяти и частенько отправляла родителям свежее мясо. Когда Ся Чэнь с Нань-гээром начали учиться в уезде, Ся Иньцзи в обеденное время, если выдавалась свободная минутка, приносила им домашние мясные блюда.

Увидев, что старший брат принёс с собой два свёртка с пирожными, Ся Иньцзи немало удивилась. Вовсе не потому, что считала Ся Далана скупым; просто она отлично знала его прямолинейный нрав. Брат был человеком простым и в тонкостях приличий не смыслил, благо невестка попалась толковая и обходительная.

Улучив момент, она вполголоса поддразнила брата. Ся Далан лишь смущённо поскрёб затылок и добродушно усмехнулся:

— Это Юаньбао подсказал.

Ся Иньцзи весело рассмеялась и принялась нахваливать Ся Чэня. Она и раньше считала его смышлёным, а уж теперь, когда его разум прояснился, он и вовсе затмил сверстников. Затем она протянула брату два вышитых мешочка для благовоний, обмолвившись, что их сшила её старшая дочь, Синян, специально для своего юного дяди.

Ся Чэнь, хоть и был мал годами, в семейной иерархии занимал почётное место дяди. Он похлопал себя по карманам — увы, горсть жареных бобов, которую он носил с собой, Нань-гээр умял ещё по дороге. Потерев нос, мальчик шутливо развёл руками: мол, твой дядя пока лишь бедный школяр, монет на сладости для племянницы нет, так что взамен он расскажет ей сказку.

Синян росла хрупкой, тихой девочкой, на год младше Дун-гээра. От природы робкая, она спряталась за спину матери, застенчиво улыбаясь шуткам Ся Чэня. Но стоило ей услышать обещание рассказать историю, как в её глазах вспыхнул искренний интерес.

Ся Иньцзи только радовалась тому, что дочь тянется к дяде. Мать уже прожужжала ей уши рассказами о том, как одарён их Юаньбао в учении — сам наставник не раз его хвалил. Если в будущем мальчик сдаст экзамены на степень сюоя или, чего доброго, выбьется в чиновники, вся родня окажется под его надёжным крылом.

— Наш Юаньбао после начала учёбы совсем другим человеком стал, — с гордостью подхватила Ся Иньцзи, охотно поддерживая беседу. — Ну-ка, расскажи, братец, что за сказку ты приготовил? Вторая сестра тоже с удовольствием послушает.

Ся Чэнь задумался. Рассказывать девочке про битвы и сражения не стоило, а для романтических историй Синян была ещё слишком мала. Он колебался между «Путешествием на Запад» и европейскими сказками, но, взглянув на робкую племянницу, окончательно определился с выбором.

Решив переложить на местный лад сказку «Дикие лебеди», он предупредил:

— Моя история вымышленная, то есть полностью выдуманная. Так что слушайте просто ради забавы.

В здешних краях шутить с императорской родословной было опасно, поэтому Ся Чэнь изменил происхождение героев. Глядя на застенчивую Синян, он решил сделать главную героиню не принцессой, а младшей дочерью владельца зерновой лавки в небольшом уезде — поближе к их собственной жизни.

— Давным-давно в городке под названием Андерсен жила-была семья торговца зерном. Хозяйка родила мужу одиннадцать сыновей и всего одну дочку, которую звали Линян...

На этом месте мимо проходила старшая невестка дяди. Услышав краем уха, она так и всплеснула руками:

— Пресвятые предки! Что за плодовитая женщина! А сколько лет её дочке? Нашему старшему как раз пора невесту подыскивать...

Ся Чэнь безмолвно застыл.

"Где же обещанный эффект попаданца, когда все слушатели замирают от благоговения перед великим оратором?"

Едва сдерживая смех, Ся Иньцзи поспешила объяснить:

— Невестка, да ведь Юаньбао сказку рассказывает. Нет в нашем уезде женщины, что родила бы одиннадцать сыновей кряду.

— Ах, выдумка... — разочарованно вздохнула невестка.

— Да, выдумка, — кашлянув, продолжил Ся Чэнь, пытаясь вернуть повествование в нужное русло. — К тому же та бедная женщина вскоре преставилась, оставив дочь совсем крохой, ей и десяти лет не исполнилось. Спустя время безутешный лавочник взял в дом мачеху.

Это сразу зацепило и Ся Иньцзи, и старшую невестку. Одна принялась рассуждать, каково новой жене управляться сразу с одиннадцатью пасынками, другая — качать головой, предрекая несчастную долю сиротам, коли мачеха окажется злой.

Классическая европейская сказка на глазах превращалась в деревенскую драму о семейных распрях. Чувствуя, как закипает мозг, Ся Чэнь поспешил добавить интриги:

— Только вот мачеха та была не человеком. Обернулась ей... коварная паучиха-оборотень.

Поначалу он думал сделать её змеей или лисой-оборотнем, но вовремя спохватился: если в будущем он решит пересказать «Легенду о белой змее» или историю про «Братьев-тыжовок», сюжеты могут перепутаться в головах слушателей. Лучше выбрать кого-то более редкого.

Такой неожиданный поворот мгновенно заставил женщин умолкнуть. В эту эпоху развлечения простых людей были скудны: чтобы читать повести, требовалось знать грамоту, а балаганные театры и сказители оставались забавой для зажиточных горожан.

Для обычных женщин вроде Ся Иньцзи обсуждение соседских сплетен со снохами служило единственной отдушиной. Не стоило винить их в излишнем любопытстве — без этих разговоров их будни превратились бы в бесконечную серую рутину.

Свежая, необычная история Ся Чэня завладела вниманием присутствующих настолько, что даже Ся Далан и Нань-гээр, поначалу равнодушно стоявшие в стороне, подошли поближе, боясь упустить хоть слово.

Ся Чэнь говорил плавно и складно. Пускай он не помнил сказку до мельчайших подробностей, общий ход событий врезался ему в память крепко. Он умело приновил европейский сюжет к местному быту: убрал любовную линию и сделал героиню моложе, ведь его целью было пробудить в робкой Синян стойкость и отвагу, а не забивать её детскую голову мыслями о замужестве.

Прекрасную фею, пришедшую на помощь героине, он заменил эксцентричным, но умудрённым жизнью старым даосом Сюем. Жутковатые ночные походы на кладбище за крапивой уступили место обычному сбору дикой конопли в горах, да и остальные детали сказки бережно очеловечились под крестьянские реалии.

По мере того как разворачивалось повествование, слушатели всё глубже погружались в удивительный мир. Таинственные превращения без лишних ужасов, крутые повороты судьбы, торжество справедливости над злом и неизменный счастливый конец — история очаровала всех без исключения.

Сказка затянулась до самого ужина, но никто и не думал расходиться. Даже за столом все разговоры сводились к Линян и её заколдованным братьям, что невольно привлекло внимание остальных домочадцев. У Ся Иньцзи оказалась отличная память, и она охотно принялась пересказывать сюжет мужчинам, а Ся Чэнь лишь изредка поправлял мелкие детали. Старшая невестка тоже слушала во все уши, твёрдо решив запомнить сказку до последнего слова, чтобы завтра же удивить ею уездных подруг.

Ужин закончился, когда на уезд опустились сумерки. Ся Далан заторопился домой, желая проделать хотя бы часть пути при остатках дневного света. Но ребяня в доме дяди, окончательно покорённая талантом рассказчика, не желала отпускать Ся Чэня. Маленький племянник Бэй-гээр вцепился в его рукав, умоляя забрать его с собой в деревню ради новых сказок, и даже скромница Синян набралась смелости тихонько спросить, когда он навестит их снова, пообещав сшить к его приезду ещё один мешочек. Раз уж девочка решилась заговорить сама, значит, старания Ся Чэня не прошли даром.

Перед дорогой Старшая тётя уложила в телегу два цзиня отборного мяса, припасённого с вечера. Пользуясь случаем, Ся Чэнь попросил отдать ему скопившиеся кости и потроха, которые мясники обычно выбрасывали или отдавали за бесценок.

В эти времена мясо оставалось роскошью, и субпродукты тоже шли в пищу, хоть и неохотно. Готовить их было трудно: без должного умения блюдо получалось сомнительного вкуса и с

неприятным запахом. Чтобы отбить этот душок, требовались горы ароматных специй, стоивших немалых денег. Богатые дома брезговали потрохами, а беднякам было не по карману тратиться на дорогие приправы ради дешёвой еды.

Среди множества книг, приобретённых Ся Чэнем в системном магазине, нашлось руководство по приготовлению пряного маринада лувэй. Он решил поэкспериментировать: если дело выгорит, дядя с их доступом к сырью смогут открыть прибыльное дело по продаже готовых деликатесов.

Сам Ся Чэнь за это браться не планировал. В обществе, строго разделённом на сословия служилых, земледельцев, ремесленников и торговцев, купеческое звание считалось самым низким. Одно дело — сдавать лавки в аренду и получать плату, совсем другое — торговать самому. Стоило Ся Чэню войти в купеческое сословие, и путь к государственным экзаменам закрылся бы для него навсегда.

У его дядёв росла уйма сыновей и внуков, и всем им ютиться на одной скотобойне было не резон. К тому же родня по материнской линии всегда относилась к семье Ся тепло и искренне. Простой рецепт маринада — малая плата за их доброту, да и дядя наверняка не останутся в долгу, если дело пойдёт в гору.

Из выпрошенных костей выйдет отличный наваристый бульон — Ся Чэнь очень хотел побыстрее подрасти и окрепнуть. А вываренные остатки можно измельчить: книга по земледелию подсказывала, что костная мука служит превосходным удобрением для почвы.

Да, он всё же раскошелился на то безумно дорогое руководство по удобрениям стоимостью в три золотых. Теперь-то, когда кошелек приятно тяжелеет от монет, можно было себе позволить. К тому же советы из книги оказались на редкость толковыми... По крайней мере, он на это надеялся.

Из-за посиделок у дяди братья припозднились, и к деревне подъезжали уже в кромешной тьме. Беспокоясь за сыновей, господин Ся вместе с Лао Юйтоу лично отправился встречать их к околице. Завидев издали знакомый силуэт отца, Ся Чэнь ловко спрыгнул с телеги и усадил его на своё место.

У отца была старая рана на ноге, которая в ночной прохладе из-за сырости всегда ныла так сильно, что лишала его сна на всю ночь.

Ся Чэнь не стал объяснять свой порыв словами, но господин Ся понял всё без лишних расспросов. На душе у него потеплело: не зря он так баловал младшего сына, ведь тот, несмотря на юный возраст, рос чутким и заботливым.

Вернувшись в дом, Ся Чэнь вспомнил, ради чего отец с самого утра выпроводил их со двора. Окинув взглядом комнаты, он предсказуемо не обнаружил Матушки Лэй и напрямую спросил у отца, куда она делась.

В присутствии госпожи Ся её супруг даже бровью не повёл, ответив совершенно спокойно:

— Эта негодница сговорилась с чужаками и украла шпильку твоей матери. Я продал её перекупщикам людей.

Ся Чэнь удивлённо моргнул, мгновенно уловив суть:

— С какими ещё чужаками?

— Да с девкой прислуги из дома Тянь, — вмешалась в разговор госпожа Ся. — Я с первого взгляда поняла, что девица та нечиста на руку. Кто же знал, что она — родная дочь нашей Матушки Лэй! Добрались-таки своими вороватыми руками до нашего добра. Такую скверну в доме держать нельзя, так что и семейство Тянь свою служанку без долгих разговоров сбывло с рук.

Ся Чэня осенило. Теперь стало понятно, почему отец так долго медлил и терпел присутствие воровки. Он не просто выжимал из Матушки Лэй последние силы на кухне, а выжидал удобного момента, чтобы покончить с матерью и дочерью одним точным ударом.

Однако мальчик помнил прошлый разговор. Когда Ся Далан предлагал продать Матушку Лэй, отец возразил, сказав, что простая продажа станет для этой парочки избавлением. Что же заставило его изменить решение теперь?

Ся Чэнь не стал скрывать любопытства и спросил отца напрямую. Тот лишь мягко, почти ласково прищурился:

— Испокон веков вор должен знать: потянешься за чужим — лишишься руки. Если уж они посмели обокрасть наш дом, то уйти невредимыми им никто не позволит.

Ся Чэнь мгновенно всё понял. Руки Матушки Лэй, судя по всему, больше не пригодны для работы. Для кухарки лишиться возможности готовить, да ещё и с клеймом воровки — верная гибель. Дальнейшая её судьба предрешена. И даже если её продали вместе с дочерью, едва ли молодая девка захочет тащить на себе бесполезную калеку, ставшую обузой.